

© Г. М. РЕБЕЛЬ

БАЗАРОВ И РАСКОЛЬНИКОВ: СЛОВО—ИДЕЯ—МАСШТАБ ЛИЧНОСТИ

С точки зрения М. Бахтина, в романе Достоевского впервые в русской литературе XIX века зазвучало независимое, самодовлеющее слово героя, столь же полновесное и свободное, «как обычное авторское слово»,¹ и именно наличие диалогически обращенных друг к другу, не заключенных в авторскую раму слов — *голосов* — и обеспечило, по Бахтину, то «событие взаимодействия полноценных сознаний»,² которое пришло на смену событию сюжетно-прагматическому и стало основой полифонического романа.

Однако слово героя, прежде своей структурной значимости, очевидной только в рамках художественного целого, воспринимается и оценивается через свои более явные, непосредственно данные свойства — содержание и стиль. Более того, постановка голоса в романном мире осуществляется автором в соответствии с его авторской волей и авторскими намерениями и поэтому выступает атрибутом не столько героя, сколько структуры романа, а вот тематическое наполнение и стилистические особенности голоса «принадлежат» самому герою и являются важнейшей его характеристикой.

Базаров и Раскольников рассматриваются преимущественно как выразители определенных идеологических позиций, и надо сказать, что Базаров *по крайней мере* не уступает Раскольникову в силе полемического заряда, который в него заложен и который вызвал острую полярную реакцию современников и столь же разноречивую — уничижительную и апологетическую — оценку потомков. Аттестация героя-идеолога Достоевского, данная Бахтиным, практически без коррективов накладывается на Базарова: «Герой идеологически авторитетен и самостоятелен, он воспринимается как автор собственной полновесной идеологической концепции, а не как объект завершающего художественного видения Достоевского».³ Тождественное определение идеологической весомости голоса тургеневского «нигилиста» дает В. Маркович: «...перед нами не объект воздействия уже найденных идеологических решений, а их суверенный и полностью ответственный за них субъект».⁴ При этом, однако, *голоса* идеологов Тургенева и Достоевского не только совершенно по-разному поставлены в структуре своих романов, на чем справедливо настаивает М. Бахтин, но и по-разному тематически наполнены и стилистически инструментованы.

Внутренний голос Раскольникова, который мы слышим раньше его звучащего слова, подключает нас к смятенному, лихорадочному душевному состоянию героя, стоящего над пропастью *нового шага, нового слова*, раздираемого вопросами, на которые даются неокончательные, могущие быть

¹ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. С. 8.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 5.

⁴ Маркович В. М. Человек в романах И. С. Тургенева. Л., 1975. С. 97.